МЫ — ПЛОТНИКИ НЕЗРИМОГО СОБОРА

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.
СБОРНИК РАССКАЗОВ
ОТ ЛЕГЕНДАРНОГО БРЭДБЕРИ!

РЭЙ БРЭДБЕРИ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В состав эссе 2001 года вошло одноименное стихотворение (1990).

- Рэй Брэдбери
  - Мы — плотники незримого собора
  - Часть первая
  - Часть вторая

Рэй Брэдбери

Мы — плотники незримого собора

Мы — плотники незримого собора

Мы — плотники незримого собора.
Канаверал — вот наша мастерская!
Строители собора — астронавты.
И все те, кто строит, чтоб их забросить ввысь —
Плести узоры света, звуков, жизни во времени-пространстве.
Мы строим, не ведая, зачем, но строим.
Хотите знать причины?
Наш транспорт основной — ракеты.
А наши цели — Луна, за нею — Марс.
А дальше — вся Вселенная.
Наш самый грандиозный театр?
Мыс Канаверал — Блок Сборки Аппарата.
Римская базилика Сан-Пьетро войдет в него
И Опера Парижская в придачу, и Биг-Бен —
Вести отсчет времен В системах звездных и туманных.
Здесь величайшие актеры своей игрой могли бы
Наш сон воображения встревожить
И взбудоражить дремлющий наш ум.
Вы спросите — чего же ради? С какою целью?
Зачем нам отправляться в Космос?
Отталкиваясь от Луны, стремиться к Марсу,
Мечтать и грезить о Центавре?
Позвольте, я вам изложу Причины.
Я вам поведаю, Зачем!

(1990)

Часть первая

Почему нам нужно покорять космос?

Мы, американцы, разгуливаем посреди семидесятиэтажных пусковых башен на мысе Кеннеди, вспоминая как наяву свое будущее.

Наше будущее обрушивается на нас, ужасая небесами, расчерченными огнем. Чтение письмен, которые Будущее прозорливо нарисовало в космосе, — наша извечная, внушающая благоговейный страх и опьяняющая нас задача.

Так давайте же встанем все вместе на Мысе и будем следить за этими новыми непоседливыми созвездиями — ракетами землян, переписывающими заново Колумбову историю на морях, не знающих приливов.

Мы задаемся вопросом: кто мы и чего еще не постигли?

Нам хочется покоя, а он убегает, ускользая от наших неуклюжих преследований.

Наши церкви ощущают пустотелость своих костяков. Под их безлюдными сводами — гулкое эхо. На скамьи оседает пыль.

Настала пора нашего беспокойства. Мягко выражаясь, мы в затруднительном положении.

Кажется — как медленно тянутся годы, остающиеся до конца этого века. Вот мы и думаем: может быть, космос преисполнит их смыслом?

Я верю в то, что космос действительно поставит перед нами новую цель, искоренит войны и заставит нас переосмыслить понятие Творения.

Мы стоим на пороге миллиарда лет новой истории. Эпоха нашего расцвета еще впереди. Мы выйдем из нее преображенными и перевоплощенными и уже никогда не будем такими, какие мы есть — в сей миг и в сей час.

Прогуливаясь по береговой линии космоса, нам еще предстоит подбирать осколки и нервные окончания нашего нового «я». Мы только начали испытывать страхи и тревоги, которым суждено стать грандиознее и ужаснее всего, что было в истории.

Ибо человека должно вернуть в центр Вселенной, где он когда-то начинал и откуда выпал, находясь у истоков познания, и куда он должен вернуться с новым знанием космоса.

Нам не поместить человека в центр всего сущего, если мы

будем странствовать вспять во времени или в мышлении, нет! Но мы можем вернуть человека туда, где ему подобает находиться — при помощи величайшего достижения человеческой мысли, которым мы можем себя одарить. А именно:

Свет есть благо. Тьма есть зло. Жизнь есть благо. Смерть есть зло. Человек — носитель блага света и жизни — бросает вызов смерти и вселенской тьме.

Химия Вселенной мертва и равнодушна.

Только человек способен познавать, только человек способен переживать.

Ибо мало иметь слепую и бессознательную, безразличную и невзыскательную Вселенную. Миллиарды миллиардов звезд — для чего они? Каково предназначение туманностей и комет, летящих мимо, подобно бледным невестам, за которыми тянутся призрачные шлейфы, на космические свадьбы, если они пройдут незамеченными?

Без живого пламени людей, согревающих себя и наследующих огненное семя, Вселенная и впрямь нелепа и немыслима.

А значит, нам, бренным и невежественным, суждено взять на себя роль, которую мы век за веком отвергали или отталкивали якобы потому, что она слишком обременительна.

Ибо не приходится сомневаться, что плоть человеческая содержит самую суть Творения, тончайший неосязаемый механизм, непостижимый, таинственный, объединяющий, оживляющий и подвигающий человечество вперед, на поиски самого себя.

Вселенная создает для себя очи для наблюдения за своими безмолвными и яркими галактиками, пребывающими в ожидании.

Вселенная сама себе создает руки, чтобы притронуться к доселе нетронутой материи тьмы и света.

Вселенная сама себе творит уши, дабы услышать, как одно грубое чудовище вгрызется в другое.

Творение нуждается в языке, чтобы пригубить вино нашего мира, и поведать о его безумном привкусе, и воодушевиться звучанием наших слов, изреченных в нескончаемой ночи истории.

Сквозь ноздри человека всё пространство-время вдыхает запахи душистого дуновения жизни, неистребимой назло смерти.

Мы — Жизненная Сила Вселенной. Если она видит, то нашими глазами. Если слышит, то нашими ушами. Она простирает свою руку лишь в пределах досягаемости нашей руки, а ее пальцы касаются лишь того, к чему притрагиваемся мы.

В этом высказывании, разумеется, нет ничего неуважительного.

Это восторженное, радостное, спасительное,

жизнеутверждающее открытие или, если хотите, переоткрытие.

А Творение не намерено рисковать своим сознанием, своей осведомленностью, своим шансом на вечность, ограничивая место своего пребывания лишь одной-единственной, пребывающей в одиночестве планетой Земля.

Оно одевается в оболочку из металла, приводит себя в движение пламенем и готовится к походу в космос.

Мы видим, как человек возится со своими игрушечными ракетами, но мы должны пристально следить за тем, как человек взлетает в этих ракетах — ради вечного выживания.

И все же сидит в нас тьма, которая временами утомляет, и мы становимся неприкаянными, не желаем прилично вести себя, заботиться, жить.

Против этого мы должны бороться всеми своими силами и волей, какие заложены в нас, всем светом и жаром, дабы проложить путь от войны к миру.

С тех пор как человек вышел из мира животных и пожелал называться именем «человек», которое мы еще должны заслужить, он столько же настрадался от себя, сколько от своей среды обитания.

А мы к тому же поигрываем родо-племенными мускулами, испускаем бранные крики, катимся под гору верхом на разрушительной механической лавине собственного изготовления, чтобы оказаться погребенными под ней.

Какую надежду нам дает здесь космос?

Ну, причин возникновения войны столько, что и жизни не хватит ввести их все в компьютер. Но, в целом, мы полагаем, война не оставляет нас в покое, потому что она разжигает азарт, экзаменует на зрелость, потворствует тщеславию и будоражит воображение: из-за национальных государств, неравенства сил, жажды славы и величия, присущей нам от природы, слабоумия… перечень можете продолжить сами.

Что бы могло прийти на смену войне? С тех пор как Каин убил Авеля, мы ищем, в какое бы созидательное русло раз и навсегда направить наше насилие, ищем такого сильного пьянящего мира, временами такого же утоляющего душу, как война.

Может, космос, наконец, станет мирной альтернативой Армагеддону?

Думаю, да.

Давайте найдем в этом веке истинного противника.

Давайте найдем такого противника, которого стоило бы атаковать, вступать с ним в битву, уничтожать.

Истинный противник человечества — не человечество.

Его истинный противник — необъятный космос, безжизненная Вселенная, незрячая пустота, запредельное кладбище, бесконечность — слепая, жестокая, бессловесная, безразличная.

Мы должны обуздать это неистовое чудище из минералов и световых лет.

Способен ли человек снова испытывать волнение? Сколько еще треволнений человеку припасено космосом! Желает ли человек, чтобы его сила и смелость прошли испытание на прочность? — космос подвергнет его испытаниям на рост и зрелость. Сомневается ли человек в своей мужественности? Пусть не сомневается — космос позаботится о ней! Желает ли человек сложить голову за правое дело? Космос и есть то правое дело, за которое погибнут многие люди, зато спасется род людской.

Вот воистину противник более внушительный, более неведомый, более страшный, чем кто-либо, когда-либо вошедший в анналы былых сражений. Вот уж действительно, на вершине Бобового ростка, на который нам предстоит вскарабкаться, нас поджидает злобный исполин.

Ибо наш враг повсюду — в бездне, не знающей тепла, и в великой зиме времен, готовой усыпить нас навечно. Все, что когда-либо жило, все, что когда-либо любило, противостоит нам.

Итак, великая и самая желанная война, достойная объявления и того, чтобы в ней сражались, все еще впереди. Мы облачаемся в ракетную броню, дабы противостоять тупому холоду и невежеству звезд, которые еще следует воспитать в нашем духе.

И когда наши пасторы и священники возводят глаза к небесам, то же самое должны делать те, кто занимаются планированием и осуществлением войны.

Теперь и Папа Римский, и армейский генерал, и разработчик национальной идеи стоят здесь на общих позициях или, точнее, в зыбком, звездном, но общем пространстве.

Мы до конца отстаивали национальную идею, и это понятно, ведь она должна сильнее отражать этот новый образ и миролюбивый милитаризм, призванный убежденно и осознанно оберегать нас, ведя справедливую борьбу в космосе против самой сущности уничтожения. Мы — дети Божьи, которых воители в ракетах должны защищать. А мировые религии должны помочь нам вознестись ввысь из нашего питомника — Земли.

Итак, цикл запущен.

То, что сейчас является национальной идеей, превращается в международную идею. Международное приобретает планетарный масштаб, а то, что было планетарным — становится межпланетным и, наконец, пройдя по нескончаемому туннелю

вечности, межзвездным.

Конечно, на этой земле проблемы расы, цвета кожи, перенаселения, болезней, голода и противоборств еще не разрешены. Они ждут своего часа. И они будут решены, но, опять-таки, с какой целью? Сейчас не рано ставить такие вопросы и приступать к поискам многообразия ответов.

Если наша цель — достижение бессмертия, если Бог пожелает, чтобы мы вечно жили в туманности «Угольный мешок» и за ее пределами, тогда наша национальная идея — действительно международная, и даже более того. Наша цель в этом мире — единая раса людей.

Итак, когда мы смотрим на небо, наш разум должен научить нас передвигаться в радиоактивной пустоте. Наша одержимость должна приучить нас к непрерывному движению. Ведь если мы споткнемся, оступимся, застопоримся, то окажемся ничуть не лучше щелочной пыли и бестолковых соленых морей, приводимых в движение лишь гравитационным притяжением безжизненных лун.

Но мы вышли из колыбели, отправились на Луну, дотянулись до Марса и дактилоскопировали его. А тем, кто твердит, глядя на снимки с телескопов, что «на Марсе пусто и нет никакой жизни», мы кричим в ответ:

— На Марсе есть жизнь, и это мы сами!

Марсиане — это мы.

Мы преподносим себе в подарок — самих себя.

Мы — больше, чем вода; мы — больше, чем земля; мы — больше, чем солнце. Мы — Жизненная Сила, сама дающая себе причину существовать.

Итак, продумайте, какой должна быть грядущая сотня лет Америки.

Итак, продумайте, каким должно быть грядущее тысячелетие человека на земле. Итак, продумайте, какими должны быть грядущие десять тысяч лет человека в космосе. Итак, продумайте, какими должны быть грядущие десять миллионов лет, миллиард лет.

Таково веление жизни.

Мы слышим.

И все как один повинуемся.

По сценарию Герберта Уэллса к фильму «Облик грядущего» в большом зеркале телескопа отцы двух астронавтов следят за огоньком летящей к Луне ракеты и один из них говорит:

— Боже мой, неужели никогда не наступит эпоха счастья? Неужели никогда не воцарится покой?

На что второй отвечает:

— Покой — для индивидуумов. Избыток покоя, к тому же раньше времени, называется смертью. Но Человечеству не дано ни покоя, ни конца и краю. Человек должен завоевывать без передышки — сперва нашу маленькую планету, ее норов и нрав, законы мышления и материи, которые сковывают его. Затем — соседние планеты и, наконец, сквозь бесконечность — звезды. И когда он завоюет все глубины космоса и постигнет все тайны времени, то все равно он останется стоять у истоков.

Он показывает на Вселенную.

— Вот эта… или та. Вся Вселенная… или ничто. Какая именно?

Двое собеседников уходят в тень. Остаются звезды. Звучит музыка.

— Какая именно? — откликается миллиард голосов.

Выбирать нам. Если наш выбор будет неправильным, мы останемся на земле и навсегда похороним себя в Стоунхендже. Если наш выбор будет правильным, мы отвернемся от могильного удушья, от заплесневения наших блестящих и бесподобных замыслов, от смерти человека-младенца и отправимся, чтобы воскреснуть среди звезд.

Часть вторая

Чертежи светомузыки для мыса Канаверал

Как это делается?

Наш величайший театр:

Мыс Кеннеди. Блок Сборки Аппарата.

Место, где величайшие актеры своей игрою могли бы поражать воображенье и властвовать над умами. И все же…

Что мы видим вокруг, кроме угловатой пантомимы, бездарных актеров и ущербных спектаклей?

Карлики и лилипуты плодятся и размножаются.

Скучные мотели двадцатилетней давности так и остались мотелями. Ближайшие приличные номера водятся лишь в часе езды, возле Диснейленда.

А Музей Космоса, что в нескольких милях от пусковых башен — это же какой-то детский лепет карапуза, который путается под ногами гигантов. Театр напоминает помесь холла для игры в бинго с деревенским тайным обществом и клубом светских львов.

Лишь недавно здесь построили шекспировский IMAX 3D кинотеатр, дабы разглагольствовать о судьбе и сулить бессмертие поставленными голосами и широкими отнюдь не гамлетовскими жестами. Здесь, вопреки наказам принца Датского, лицедеи «пилят воздух» и «завывают».

Настоящий же Музей авиации и космонавтики находится за тысячу миль, на северо-востоке, в Вашингтоне, округ Колумбия. Его великолепное внутреннее пространство из стали и стекла дышит историей: аэроплан братьев Райт «Китти-Хок», самолет «Дух Сент-Луиса», спускаемый аппарат «Викинг», лунные модули корабля «Аполлон».

Почему Вашингтон с ликованием сделал такой широкий жест?

Потому что здесь нервная система страны.

А Канаверал? Боже! Здесь же находятся живое сердце, кровь и душа Вселенной, или той ее части, в которой мы обитаем ради процветания.

Сравним полную несусветную немоту Флоридской стартовой площадки с миллионами туристов, ежегодно прибывающих на Аллею славы по Голливудскому бульвару и Вайн-стрит, где их встречают выпивохи, сутенеры, проститутки, жулики и прочий

сброд. Конечно, на мысе Канаверал все не так плохо, но зато какая скукотища! Совсем как в Лонг-бич, штат Калифорния, с его обездвиженными крупногабаритными объектами, где не плавает «Куин Мэри» и не летает Хьюз Р-4 «Геркулес». Канаверал — это натюрморт из грандиозных сооружений.

Пусковые башни торчат, как кладбищенские монументы, вместо того, чтобы быть праздничными декорациями на Четвертое июля. Каждый вечер они должны вспыхивать огнями, как исполинские рождественские елки, искриться светом и вселять надежду на светлое будущее.

Каждый божий вечер на закате по всему побережью должна происходить церемония включения иллюминации на всех пусковых башнях, неважно, работающих или нет, под аккомпанемент неистового ракетного рева и звездных экспедиций.

Надо, чтобы у посетителей стыла в жилах кровь, а кости тряслись так, чтобы с них отлетала ржавчина и заново утверждался изначальный девиз Канаверала:

Выше и Дальше.

Но… где она, светомузыка? Боже праведный! С ума сойти! Какое еще место в мире так нуждается в светозвуковом оформлении!

А здесь лишь тишина и реют чайки. Здесь затяжные ветры, приливы и пески. Господи, а где же постановщики, тексты сценариев и актеры, дабы поведать нам о былом величии, которое наверняка вернется вместе с непогрешимыми ракетами и многообещающими астронавтами?

К чему тогда уныние вместо громогласного рыка Вселенной, призывающей начать всё сызнова и потерпеть неудачу, опять начать и преуспеть?

Так помогите мне отстроить театр у подножия самой первой пусковой площадки «Аполлона»! А то и несколько театров, чтобы они дополняли друг друга, когда поблизости идет заправка башен горючим и они с нетерпением дожидаются старта.

Что же будет тогда? Десятки тысяч окрыленных посетителей каждый месяц, каждый год будут строчить письма, посылать телеграммы, выпрашивая, нет, вымаливая денег, чтобы запустить нас на орбиту. Движение должно зародиться в низах, в народе, и подниматься к верхам, а не то мы так и врастем навеки в землю.

«Весь мир театр», — сказал Шекспир.

Хоть это воистину так, пусть Канаверал станет Театром-прародителем, в котором мы будем славить наши дни, разжигать всяческие страсти и окунаться с головою в звезды.

Итак, на заключительном этапе перелицовки Канаверала

будут приглашены актеры, которые будут играть — за ночь или за неделю до того, как столп пламени нас к Марсу вознесет. Затем из всех крупных городов мира — Ватикана, Вашингтонского кафедрального собора и Мормонского храма — надо созвать хоры и капеллы.

Им будут аккомпанировать самые блестящие симфонические оркестры с дирижерами из Рима и Парижа, Лондона и Филадельфии, исполняя музыку, сочиненную по случаю торжеств всеми величайшими из ныне живущих композиторов, на стихи, сложенные лучшими из ныне живущих поэтов.

И все это будет происходить в окружении виднейших священнослужителей, пасторов, раввинов, прессы и политиков со всех континентов, возносящих в небеса руки и голоса во славу величайшего избавления от гравитации, ограничений времени и Земного плена, дабы взмыть к Луне и Марсу, а в какое-нибудь доброе будущее время — к Плутону, а то и дальше.

Полагаю, публика должна быть светская: политики нашей страны и НАСА в нынешнем виде. Но в тот предстартовый вечер отделение церкви от государства можно было бы приостановить на несколько часов. Мы должны пригласить ватагу атеистов, агностиков, наводящих тоску, и, может быть, позвать даже Папу Римского участвовать в нашей Вечере. Если усадить Папу на одном конце Блока Сборки Аппарата, а нашего Президента и Королеву Англии — на другом, то чаши весов окажутся в идеальном равновесии, а между ними будет кишеть всяческая пестрая мелкая рыбешка.

А в заключение нашего симфонического певческого драматического театрального представления все пусковые башни на побережье мыса Канаверал должны разразиться величайшим в мире и в истории фейерверком, вычерчивая огненные купола взрывами на всех телеэкранах. С мыса Канаверал должна взметнуться струя звездного пламени, затмевающая сами звезды.

А тем временем неподалеку, на главной пусковой башне, будет дожидаться марсианская ракета, разрисованная символикой полетов и мечтаний о полете из всех исторических эпох… Крыльями, шарами, огненными колесницами Ассирии и греческими вечерами и парижскими восходами!

Вот вам и Причины.

И пустынный театр Канаверал-Кеннеди.

Канаверал-Кеннеди ждет и жаждет вознести ввысь нашу бренную плоть и исполнить наши мечты.

Чего же мы медлим?

Чего дожидаемся?

Ведь все системы вопиют:

— ВЗЛЕТАЙТЕ!

2001